
В. В. ФЕТИСКИН

ПЕРВОБЫТНЫЙ СИНКРЕТИЗМ

Один из самых сложных и волнующих вопросов мирового палеолитоведения – о происхождении человека и, в частности, человека современного типа (*Homo Sapiens*). В России наибольшим распространением пользуется гипотеза «широкого моноцентризма», основным автором которой является проф. Я. Я. Рогинский. Эта гипотеза предполагает широкую зону, в которой более или менее одновременно появились кроманьонец (Ближний Восток и Юго-Восточная Европа). А. П. Окладников и Б. А. Фролов в свою очередь отмечают, что процесс становления человечества шел отнюдь не в узких географических рамках, это был широкий, многообразный, мощный процесс, достаточно глубоко закономерный, достаточно устойчивый, чтобы не быть подвластным случайностям тех или иных стихийных катаклизмов. Поднимаясь на ноги во весь свой рост, человек имел прочную опору, мощный фундамент взаимосвязей со всей природой нашей планеты. Становление человека происходило в огромном промежутке пространства планеты, а не в отдельных очагах материальной и духовной культуры¹.

Проф. Л. С. Васильев однако считает, что процесс антропогенеза был уникальным и явно не мог параллельно протекать в разных регионах земного шара. Хотя развитие гоминид, согласно его концепции, шло различными путя-

¹ См.: Окладников А. П., Фролов Б. А. Актуальность археологии: прошлое для настоящего и будущего: В кн. Будущее науки // Международный ежегодник. М., 1980. Вып. 13. С. 254.

ми, по разным линиям, по меньшей мере, одна из которых – пресапиенсы – не только обошла остальных, но и стала тем фундаментом, на основе которого сложился со временем человек современного типа. Сапиентные люди сложились примерно 40 тыс. лет назад где-то в ближневосточном регионе, на стыке Евразии с Африкой, т. е. в месте пересечения всех основных путей миграции в пределах Старого Света. Завершив процесс своей трансформации в этой зоне, они стали быстро распространяться по ойкумене, отесняя своих досапиентных собратьев в менее удобные зоны обитания (и тем обрекая их на вымирание) и в то же время, вступая с ними при определенных условиях в контакты, следствием которых стали метисация и расовое разнообразие человечества. То есть представители боковых или тупиковых ветвей, с точки зрения Л. С. Васильева, тоже принимали участие (хотя не прямое, а косвенное) в сложном процессе трансформации гоминид и возникновения сапиентного человека².

Социальное глубоко коренится в природно-биологическом. Следует подчеркнуть специально, отмечает В. П. Алексеев, что антропогеосфера сложилась как система по аналогии с биосферой, и ее происхождение несводимо только к происхождению составляющих ее структурных компонентов или отдельных компонентов человеческой культуры. Антропогеосфера вырастает из биосферы как закономерный этап в развитии последней. Ее возникновение – процесс космический, так как она вмешивается в течение процессов и в косной природе, и в биосфере, и в Космосе в целом; масштабы этого вмешательства грандиозны³.

Как считает Ю. И. Семенов, человеческое сознание, бесспорно, является суперорганическим. Однако кроме духовного суперорганического существует материальное суперорганическое, представляющее собой основу первого. Выделение материального суперорганического, социальной материи дало возможность выявить коренное отличие об-

² См.: Васильев Л. С. Генеральные очертания исторического процесса // Философия и общество, 1997. №1. С. 85.

³ См.: Алексеев В. П. Становление человечества. М., 1984. С.447,450.

щества человека от объединения животных. Социальная форма движения включает разнообразные связи и отношения, производительные силы людей, а также все те знания, навыки, опыт, которые реализуются в процессе совместной деятельности. Сообщества людей не могут возникнуть и существовать, в частности, без производственной деятельности.

Современной наукой установлено, что самопроявление в разных формах социально-предметной и духовно-психической деятельности, которое многие мыслители называют сущностными силами или природой человека – одна из самых первичных, глубоких и определяющих особенностей индивида. Академик А. П. Окладников и другие видные ученые выдвигают тот принципиальный момент, что исследователь не может успешно заниматься проблематикой первобытного общества, если не примет тезиса о богатейшей творческой сущности человека современного типа в первую же верхнепалеолитическую эпоху и об относительно благоприятных для ее раскрытия общественных условиях. Антропологические данные, также как и археологические, доказывают, что потенциальные, интеллектуальные возможности человека в этом периоде уже не уступали современным (хотя, разумеется, весь образ жизни, направленность сознания у людей ледниковой эпохи глубоко отличались от наших). Иные трактовки источников и стимулов творческих достижений предков современного человечества бесперспективны, они не выводят научного поиска из пелены тайны и мистики. Отсюда делается вывод: «Углубление последовательно научной разработки проблем первобытного творчества – это не только реконструкция глубокого прошлого, но и возможность глубже постичь творческую сущность человека вне искажений, внесенных антагонистическими противоречиями классовых обществ; это в какой-то мере возможность яснее представить творческие черты будущего человека при всех грандиозных изменениях мира его деятельности»⁴.

⁴ См.: Окладников А.П., Фролов Б.А. Актуальность археологии: прошлое для настоящего и будущего: В кн. Будущее науки // Международный ежегодник. М., 1980. Вып. 13. С. 254.

Данные археологии становятся поистине уникальными, недостижимыми средствами какой-либо другой науки, когда речь идет о генезисе человеческой деятельности, сознания, культуры. Современная НТР поставила на повестку дня проблему создания устройств, имитирующих мыслительные функции человека. В дискуссиях математиков, кибернетиков, психологов о возможностях и путях решения этой проблемы резонно прозвучал тезис: полное подражание творческим функциям человека в электронном устройстве будет возможным лишь после того, как удастся смоделировать весь процесс эволюции человечества, начиная с каменных рубил палеолита.

Для первобытного общества характерен синкретический монолит, в котором спрессовано все многообразие видов деятельности, творчества и форм мышления. Именно слитность функций и значений, прежде всего, отличает эту стадию развития и определяет специфические черты этого общества: его производства, распределения, социальной структуры, религии, искусства и т. д. Деятельность, труд, поведение в целом еще не отделяются от непосредственного процесса жизнедеятельности, выступают как его внутренние моменты. Человек еще не столько относится к природе, сколько живет ею, пытается быть внутри нее, раствориться в ней. Деятельностью здесь была сама жизнь, как индивида, так и рода внутри природы. Первобытное сознание не ставит резкого водораздела не только между отдельными индивидами, но и между человеком и природой. Человек объективно принадлежит к силам природы, а они как бы продолжают его (а не противостоят).

Со своей стороны он одушевляет (субъективизирует) предметы и, тем самым, все больше одушевляется сам, объединяя желаемое и действительное, как, например, в тот момент, когда рисует на стенах пещеры животных, пронзенных стрелами, предвзяв саму охоту. Проблемная ситуация изначально формируется в его психике и мыслях. В результате переживания в воображении всевозможных ситуаций по этому поводу создается полный эффект реальности; он реагирует на свои страхи и опасения, на радости и

надежды, как на саму реальность. И эта внутренняя реальность вполне естественно распространяется на внешний мир, отождествляется с ним. В экстремальных условиях, в которые постоянно попадал первобытный человек, одним из широко практикуемых выходов оказывалось преобразование если не окружающих сил, то, по крайней мере, самого себя. Многие бытовые и другие ситуации у таких людей окрашиваются в субъективно-психические тона, при этом они сами моделируют проблемы, ведущие потом к определенным действиям.

Первобытное мышление при объяснении состояний и явлений внешнего мира неизменно прибегает к их сравнению с человеческими состояниями, поступками и мотивами. Примитивный человек переносил во внешний мир структурные условия собственной души, своих чувств и переживаний, с которыми он был более всего знаком и которые знал лучше всего. Поэтому силы природы уподоблялись психофизическим силам, а ее процессы – человеческим действиям. Уже в этом первобытном антропоморфизме, как на уровне мышления, так и на уровне действия были рациональные зерна; человек – продукт и часть природы, продолжение ее; между физической и психической реальностью много общего.

Однако в связи с ростом производительных сил мироощущение людей начинает исключать антропоморфные факторы из характеристики предметных отношений. Усложняющиеся орудийные операции, которые производились в процессе непосредственного воздействия на предметы природы, начинали «овеществляться» и выступать в качестве результата взаимодействия самих этих предметов. По мере замены мускульных усилий механическими силами, процессы и явления природы переставали пониматься только по аналогии с физическими силами, а начинали рассматриваться так же как механические силы. На смену антропоморфной картине мира приходила механическая картина Вселенной.

Внутренний субъективный мир человека формируется также под воздействием участия в совместной жизнедеятельности.

тельности, к чему он побуждается в первую очередь под влиянием той социальной общности, членом которой является. Мышление общинно-родового человека понимало только непосредственно родственные отношения, – отмечал отечественный знаток античной культуры проф. А. Ф. Лосев. Переноса эти родственные отношения на природу и на весь мир, тогдашний человек также и всю природу, и весь мир понимал как огромную родовую общину. Но это значит, что общинно-родовое мышление могло быть только мифологическим⁶.

В силу того, что в первобытном обществе индивидуальность была растворена в коллективе, субъектом деятельности здесь выступала, как правило, община в целом, члены которой обуславливались полуживотной по своей сути активностью. Незрелость производительных сил существенно ограничивала возможности выделения индивидуальной жизни с ее своеобразием накопительных и потребительных ориентаций в строго оформленную самостоятельную сферу бытия. Подобный аспект выделяется и утверждается Б. Ф. Поршневым, согласно которому человек в действительности был целиком поработан социальной силой. По его мнению, там, в глубинах первобытнообщинного строя, человек в известном смысле был даже еще более поработан, чем в классовом обществе. Но это было скорее не принуждение, а добровольное подчинение, при котором даже не возникает помысла какого-либо протеста⁷.

Выдвигаются и другие варианты решений проблемы, согласно которым, в частности, первобытный индивид, хотя и находится под властью социальных сил, однако отнюдь не обезличен. Личностные характеры и условия для их проявления существовали уже на ранних этапах человеческого общества. Индивидуальные взаимоотношения и индивидуальные чувства в этих условиях имеют место и во многом влияют, в частности, на конкретный ход событий

⁶ См.: Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. М., 1991. С. 496.

⁷ См.: Поршев Б. Ф. Социальная психология и история. М., 1996. С.197.

в австралийском обществе⁸. При всей трудноразрешимости этой теории она, во всяком случае, более правдоподобна в одном: в признании гибкости и многообразия первобытной жизни, которая далеко не всегда угнетала и подавляла личность; напротив, обычаи и общественное сознание давали и тогда отдельным представителям рода определенные возможности для самовыражения, инициативы, личной деятельности. Как отмечают авторы сборника⁹, – внимательное изучение фактического – и, прежде всего, этнографического материала по австралийцам, тасманийцам, папуасам, бушменам и любым другим архаичным народам показывает, что сила обычаев племенных традиций, регулирующих жизнь и поведение человека, очень велика; она касается всех сторон жизни – правил участия в производительной деятельности и раздела добычи, брачных порядков, взаимоотношений полов, повиновения старикам, междуобщинных отношений и пр., но нарушение обычаев возможно и оно случается. Человек может восстать против обычая и проявить личные наклонности. Однако любой подобный протест индивида обречен на неудачу. В возникающем конфликте победа всегда остается за коллективом, за выражающим его интересы обычаем.

Что касается первобытного «равенства», то оно, согласно классическим изысканиям, состояло в «равенстве» получения определенного количества продуктов из «общего котла», которое практически затрудняло всякое проявление индивидуальности. Но, скорее всего, на деле суть такого распределения заключалась в том, что каждый член коллектива имел право на часть созданного в нем продукта в силу своей значимости и принадлежности к нему. Собственность пока еще не получила своего законченного ин-

⁸ См.: Beck W. Das Individuum bei den Australiern. Leipzig, 1924. S. 33–37, 75; Чудинова О. Ю. Индивидуальное поведение и общественная регламентация у аборигенов Австралии: В кн. Страны Южных морей. М., 1980. С. 200–204.

⁹ См.: История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. М., 1986. С. 546.

дивидуально-выраженного характера. Собственность, в конце концов, это только распространение личности на вещи. Следовательно, там, где существует коллективная личность, собственность может быть тоже только коллективной. Она может стать индивидуальной тогда, когда индивид, в свою очередь, выделившись из массы, станет самостоятельным личным существом, но не в качестве организма, а как фактор социальной жизни.

Все это воплощалось в синкретизме формирующейся индивидуальности и складывающейся социальности, поглощенности человека миром социально-экономических и иных отношений. Это была зависимость человека от непосредственно-совокупной жизнедеятельности, от механизмов непосредственного распределения продуктов этой жизнедеятельности. Каждый представитель рода в деятельном отношении к миру и к себе подобным исходит из потребностей рода.

Первобытный коллектив – это всего лишь возникающее общество, которое испытывало большие трудности в борьбе с природой. Можно с полным основанием утверждать, что никакого мифического золотого века позади нас не было, и первобытный человек, – по выражению В. И. Ленина, – был совершенно подавлен трудной борьбой с природой, трудными условиями существования. Отсутствие эксплуатации заменялось еще более жесткими полуживотными законами. Одни племена, изгоняя врагов с более богатой добычей территории, жили за счет других, а физически более сильные члены общины – за счет более слабых соплеменников. Войны между племенами, физическое уничтожение слабых ради сохранения более сильных и здоровых, людоедство были закономерны и естественны.

Когда ощущался острый недостаток самого необходимого и осуществлялось физическое истребление больных и старых ради живущих и последующих поколений, это свидетельствовало о том, что между зарождающимся обществом и средой существовало прямое и непосредственное противоречие. Такое положение в первую очередь не соответствовало принципу адекватности ресурсов природы по-

требностям выделившегося из ее недр первоначального общества. Путь для разрешения этого противоречия состоял в дальнейшем нарастании и дифференциации социума, что осуществлялось посредством развития производительных сил, совершенствования отношений, накопления материального и духовного потенциала человечества.

Н. Н. Моисеев отмечает, что единый процесс мирового развития охватывает неживую природу, живое вещество и общество. Эти три уровня организации материального мира составляют звенья одной цепи¹⁰. С появлением человечества на естественный процесс самоорганизации природы накладывается процесс ее направляющей самоорганизации с помощью теоретической и практической деятельности. Благодаря человеку как носителю разума природа стала не только осуществлять процесс «познания себя», но и интенсифицировать процесс «самоорганизации самой себя». По мнению Н. Н. Моисеева, именно с этого времени к деятельности интеллекта добавляется «новая форма памяти», материализующаяся посредством создаваемых орудий и организации различных форм предметной деятельности. С помощью этих изменений основой жизни людей во все большей мере становится не природа, которая отходит на задний план, а производительная деятельность, труд, культура. Культура представляет совокупность способов и результатов человеческой деятельности, реализуемых в процессе общественной жизни. Условием активной взаимосвязи общества и природы всегда является деятельный человек – носитель культуры. Как творец культуры он противостоит среде и стремится переделать ее «по своей мерке»; но как произведение культуры он воссоздается и воспроизводится по законам последней и нацелен на преодоление противоречия между естественными и искусственными основами жизни.

При примитивных орудиях и крайне низкой производительности труда почти все время и силы человечества поглощали поиски и добывание средств к существованию.

¹⁰ См.: Моисеев Н. Н. Человек и ноосфера. М., 1990. С. 35.

Сообщества людей вынуждены были сосредоточиться на самом первоочередном, на самом главном, на том, от чего зависело само существование зарождающегося коллектива. Поэтому деятельность вообще выступала не только как самовыражение человеческой сущности, а, прежде всего, как своеобразное средство выживания в тяжелейшей борьбе с окружением. Ее роль сводилась, в основном, к производству средств, необходимых для спасения индивида от голодной смерти, хищников, врагов, т. е. к воспроизводству его как биологического существа.

На этом этапе совместные действия мотивируются необходимостью обеспечения выживания целой группы. Физическая слабость и беззащитность отдельного представителя рода компенсировалась объединенными усилиями всех. Следовательно, коллективизм первобытной общины был, прежде всего, следствием ограниченности и недееспособности отдельного индивида, а также еще только формирующихся, но не сложившихся социотехнических структур в целом, а не результатом генетического запрограммирования на коллективизм или обобществления средств производства. По этой же причине человеческие коллективы имели бесклассовую структуру на заре истории; противостоящие им природные силы планеты требовали совместных усилий в борьбе за существование.

В свою очередь крайняя недоразвитость используемых орудий также восполнялась объединенной силой рода или племени. Созданные человеком орудия – это те же социальные инструменты, с помощью которых он (как наиболее слабое и неприспособленное из живых существ) утверждает себя в «борьбе за право на жизнь», и в конечном итоге становится «победителем» над всеми прочими живыми существами, в том числе и над теми, которые с биологической точки зрения лучше приспособлены к жизни. Искусственные орудия, в свою очередь, многократно превышали его физические возможности, компенсировали недостающие естественные органы.

Все первобытное хозяйство с натуралистической точки зрения рассматривается как частный случай борьбы за су-

ществование. Борьба за жизнь с враждебными силами (с необходимостью) осуществляется в целях защиты и расширения жизни, покорения и очеловечивания природы. Это, по мнению русского мыслителя С. Н. Булгакова, есть борьба двух метафизических начал – жизни и смерти, свободы и необходимости, организма и механизма. В своем прогрессе хозяйство есть победа сил жизни над силами смерти¹¹. Хотя этот биологический принцип он неправомерно расширяет, абсолютизирует и распространяет на человеческое хозяйство вообще.

Главной потребностью архаического общества является стремление к сохранению целостности общественного организма как условия выживания. Различные системы табу, тотемизма, первобытных обычаев, традиций и других форм социальной активности как раз и являются непосредственной реакцией на эту потребность. Пока человек в своей жизнедеятельности зависит от чисто природных, еще не преобразованных им самим условий, решающую роль в своей жизни он приписывает не себе, а этим условиям, которые превращает в предмет поклонения. Многие первобытные религии носят отпечаток этой стадии развития.

Религиозные и мифологические системы, мистифицирующие различные силы и стихии, наделяют эти силы антропоморфными свойствами – сознанием, волей, способностью предопределять ход событий. В определенном смысле, – отмечает К. Леви-Строс, – религиозная деятельность заключается в очеловечивании природных процессов, а магия – в натурализации человеческих действий, т. е. в истолковании определенных человеческих действий как составной части физического мира. Антропоморфизм природы (религия) и физиоморфизм человека (магия) образуют постоянные составляющие. Природе приписывается сверхчеловеческое, а человеку сверхприродное¹². Потребности сплочения, единства, концентрации всех жизненных сил в условиях невозможности изменить условия существования – вот чему служила магическая деятельность в жизни первобытного человека.

¹¹ См.: Булгаков С. Н. Философия хозяйства. Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1993. С. 84.

¹² См.: Леви-Строс К. Первобытное мышление. М., 1994. С. 287.

Будучи результатом неосознанной подмены целей, магическая деятельность оставалась лишь квазицелесообразной, иллюзорной, хотя и в некоторых случаях эффективной. Человек все еще ощущает себя тождественным с природой, с миром растений и животных и старается соединиться с ними. Животное превращается в тотем; во время самых торжественных событий и на войне надевают маски животных; животному поклоняются как Богу.

На более поздней стадии развития, когда деятельность человека достигает уровня ремесла и художественного творчества, когда он, следовательно, перестает полностью зависеть от природы, от ее даров – найденного плода, убитого животного, человек делает богом изделие собственных рук. Он переносит свои силы и свое мастерство на созданные им вещи и тем самым в отчужденной форме поклоняется своему могуществу и своей собственности¹³.

Это осуществляется по мере дальнейшего развития и расширения преобразовательной деятельности, когда люди стали осознавать, что много в их жизни зависит от них самих, от того, как они мыслят и действуют. Достаточно, например, было увидеть причину хорошего урожая не в милости богов, а в качестве обработки почвы, чтобы провести различие между религиозно-обрядовой деятельностью по обожествлению природной среды и реально-практической деятельностью по ее возделыванию и улучшению. Человек выступал уже не как природно-присваивающее, чисто поглощающее, а как социально-творящее существо, не как пассивный объект воздействия на него внешних и неподвластных ему сил, а как субъект им же самим осуществляемых изменений и преобразований. В силу возросшей производительной мощи он сам себя делает целью, а природу – средством по отношению к себе как к цели.

Поэтому и боги со временем принимают антропоморфный образ. Это происходит на той стадии развития, когда

¹³ См.: Фромм Э. Душа человека. М., 1992. С. 143.

человек приобрел способность выделять себя из среды, осознавать самого себя как нечто уникальное и неповторимое в этом мире, а с другой стороны, понимать свою изолированность и бессилие.

Высказывается мнение, что религия и нравственность с самого начала связаны между собой и с другими формами общественного сознания, что такая связь появляется не на поздней, а на самой ранней стадии развития. У всех архаичных народов, – констатируют авторы сборника, – моральные предписания и запреты подкрепляются сверхъестественной санкцией; установление их приписывается небесным существам, духам, героям, богам, и за нарушение их ожидается кара от этих самых духов или богов. Это религиозная санкция морали, ее религиозное обоснование – в этом заключается одна из самых ранних форм осознания моральных норм людьми¹⁴.

Бесспорным фактом доклассовой эпохи является синкретизм форм общественного сознания. Хотя даже в нашу эпоху далеко не всегда можно четко разграничить отдельные формы и уровни общественного сознания. Разного рода науки, искусства, правовые и моральные нормы и т. д. переплетаются между собой и друг с другом, подпадают под взаимное влияние, стыкуются, сотрудничают и т. д., и все же существует закономерность, что чем больше развито общество, тем легче их разграничить. Что же касается первобытного мышления, то в нем нерасчлененность составляет, пожалуй, наиболее заметный и притом существенный признак. Первобытное искусство, например, пронизано религиозными представлениями, а также обнаруживает свои коммуникативные и утилитарные цели; оно же связано с хозяйственной и орудийной деятельностью и наоборот. Очевидно, что этот синкретизм в сфере духовной деятельности был закономерным порождением нерасчлененности в сфере материальной деятельности, в самой реальной жизни людей, т. е. самого общественного бытия. Умственный труд еще не был отделен от физического, организация обще-

¹⁴ См.: История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. М., 1986. С. 549

ственной власти еще не обособилась от коллектива, а кровнородственные связи почти совпадали с территориальными и производственными.

Первенствующую роль в первобытном обществе играл не тот или иной вид производства средств к жизни, а непосредственное производство человека и те материальные отношения, которые складывались в этой сфере. Это выражалось, во-первых, в потребительском присвоении готовых благ, реальным производителем которых выступала сама природа. В период собирательства при наличии примитивных орудий труд фактически еще не имел значительной ценности, так как положение человека зависело не столько от его трудовых усилий, сколько от богатства природной среды. Поэтому первоначальные условия жизни, прежде всего, включают продукты, потребляемые непосредственно, без применения труда (плоды, животные и т. д.), так что фонд производства является составной частью фонда потребления. Природа являлась и источником средств существования, и аренной жизнедеятельности, изменение которой непосредственно изменяет мир живых существ. В рамках этого периода развития происходило становление человека и человеческого общества, стимулируемое благоприятными условиями, складывавшимися в тех или иных регионах планеты. К отличительным признакам первичного хозяйства можно отнести, таким образом, значительный синкретизм производства и потребления.

Во-вторых, в подчиненности деятельности человека по обеспечению орудийного субстрата – его деятельности по обеспечению собственной жизни во всех ее физических и культурных качествах. Решающая потенция первичного хозяйства заключалась не в вещных, а в личных элементах производственного механизма. Особенность его генезиса состояла в том, что в структуре общественных производительных сил именно природные силы, т. е. силы внешней природы и природы самого человека диктовали направление развития.

В отличие от исследователей, рассматривающих потребности в связи со стихийно складывающимися особен-

ностями общественной жизни, в данной работе их возникновение связывается также со становлением внутреннего, субъективного мира человека. Не только в отношениях между людьми внутри первобытной общности находит в начале свое отражение необходимость орудийной деятельности, но и во внутренней структуре индивида, его антропогенной характеристике и особенностях психологии. Совместные действия, общения, потребности и т. д. в конечном счете обуславливаются общими особенностями и характером антропосоциогенеза. Вот эта первоначальная исходная роль антропогенных структур в ходе превращения необходимости орудийной деятельности в потребность личности и общности – крайне важна для понимания закономерностей протекания этого процесса.

В основе общественного развития на уровне социального лежат производство, орудийная деятельность, а на уровне общественной жизни в целом – человеческий фактор, его родовые законы, исходные потребности, которые порождают социум, его основные звенья, цель и источники развития. Закон жизни строится не на постулатах той или иной социальной или политической системы, а на естественных устремлениях людей. Поэтому человек как природное существо выступает в качестве исходного момента истории. Его неустойчивая морфология требовала от него «достройки» самого себя («недостающих естественных органов») с помощью искусственных орудий и как следствия – преобразования среды обитания. На этой основе на живой оболочке планеты складывался социум и его структуры.

Но как социальное, общественное существо, человек является результатом исторического развития. В этом смысле он как бы и предпосылка собственной истории, и в то же время ее продукт, результат. Как общество производит человека как человека, так и он производит общество как продолжение и развитие своих потенциальных возможностей. Лишь при учете человека не только как субъекта (объекта), но и как основы социума, можно разобраться в сути социального, его смыслообразующей и двигательной силе. Социальные условия выступили своеобразным выра-

жением необходимости преодоления отчуждения между индивидом и средой и создания более адекватных условий для его формирования. Следовательно, адекватность человеческой личности социальным условиям ее жизни находится в рамках более глубокой адекватности этих условий общеродовым качествам и требованиям индивида. Человек, как природное существо, выступает в качестве исходного пункта и предпосылки социальной истории. Но как социальное, общественное существо он является своеобразным результатом исторического развития.

В первобытном объединении потребность в орудийной деятельности обретает своеобразный антропосоциогенический по своей сути характер, является источником становления и развития данной естественно сложившейся общности людей. Объектом потребности в деятельности здесь была, прежде всего, деятельность по удовлетворению непосредственных абсолютно необходимых потребностей. Причем потребности первобытных людей более или менее соответствовали уровню развития их производительных сил. Потребность в первую очередь порождается производством (хотя и не только им), а последнее имело очень ограниченный характер, поэтому и потребности были очень ограничены. С началом неолитической (аграрной) революции, обеспечивающей предпосылки физического выживания людей, потребности утрачивают специфический социогенический и приобретают характерный социально-экономический характер. Они становятся ведущей побудительной силой прогресса производства, нацеленного на создание прибавочного продукта. С появлением более совершенных орудий, а, следовательно, и стабильного прибавочного продукта, жизнь людей начинает строиться не вокруг поисков и потребления пищи, а вокруг умножения и накопления богатства. Соответственно и стимулы развития орудийной деятельности с таких факторов как удовлетворение абсолютно необходимых потребностей общины переводятся на производство прибавочного продукта, заменяются на социально-экономические, политические и идеологические.

Качественно новым этапом в жизнедеятельности людей явился переход от присваивающей экономики к производящей – земледелию и скотоводству. Переход к производящему хозяйству вызвал важные изменения в различных сферах жизни и духовной культуры обществ, находящихся на пути к аграрной цивилизации.